

УДК 81'22

doi 10.17072/2073-6681-2023-3-16-24

К интерпретации книжных речевых конструкций в Записках матроса Верещагина

Татьяна Николаевна Бунчук**к. филол. н., доцент кафедры русской литературы****Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина**167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., 55. tnbunchuk@mail.ruORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7597-2726>

SPIN-код: 1949-1275

*Статья поступила в редакцию 02.06.2023**Одобрена после рецензирования 31.07.2023**Принята в печать 04.08.2023***Информация для цитирования**

Бунчук Т. Н. К интерпретации книжных речевых конструкций в Записках матроса Верещагина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 3. С. 16–24. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-16-24

Аннотация. В статье исследуются особенности употребления книжных речевых конструкций в Записках матроса Верещагина – рукописном тексте XIX в., который обнаружил в одном из рукописных собраний Национальной библиотеки Чехии и ввел в научный оборот М. В. Мелихов. Записки малограмотного крестьянина-матроса, имеющие объективную народно-разговорную основу, интересны с позиции применения в них книжных речевых конструкций. Автор заимствует из некоего текста-образца (или нескольких текстов) приличествующие избранному жанру описания книжные, в том числе свойственные деловой речи, слова и конструкции; например: подзаголовок к тексту, обращение *Господин читатель!*; конструкция *уединение заставило (сочинить)*, антонимичные сочетания *продолжение службы и освобождение (от) службы*. Нередко воспроизводимые слова и сочетания автору малопонятны, поэтому он их трансформирует, например: *въкрепить узленнымь моимь сердце, душевное повеление*. Функциональное назначение таких конструкций, вероятнее всего, продиктовано стремлением автора написать текст по неким правилам, соответствующим выбранному жанру и представленным в известном ему тексте-образце (текстах-образцах). Анализ книжных элементов в Записках матроса позволяет также выявить функционирование тех или иных лексем в конкретный период истории русского языка, проследить их динамику, например: закрепление в языке существительного конкретного значения *обстоятел(ь)ство* и утрата более обобщенного по значению существительного *обстояние*; употребление как минимум в начале XIX в. слова *термин* в значении ‘срок, дата’. Анализ языковых особенностей произведений народной литературы, к которым принадлежат и Записки матроса Верещагина, безусловно, значим, поскольку данный текст отражает русскую речь определенного периода. Исследование Записок позволяет проследить и историю отдельных слов, и функционирование разностилевых речевых элементов, а также способствует реконструкции правдивого портрета и времени, и героев этого времени.

Ключевые слова: народная литература; речевая конструкция; жанрово-стилистические и языковые особенности; книжные элементы; деловая речь.

Введение

Записки матроса Верещагина (далее – Записки) – условное название рукописного текста первой половины XIX в., исследованного М. В. Мелиховым в контексте «реконструкции мировоз-

зрения простого человека, который невольно становится участником эпохальных событий. <...> Солдатские и матросские записки создают более объективные “портреты” реальных, не приукрашенных литераторами событий и их

участников, расширяют наши представления о малоизвестной истории собственно народной литературы, в которой находило отражение мнение обычного человека о своем времени и о своем месте в этом времени» [Мелихов 2019: 81]. Наряду с крестьянскими дневниками они, как отмечает А. В. Пигин, «доносят до нас живые голоса тех людей, которые, казалось бы, не сыграли заметной роли в истории, но свидетельства которых дают порой гораздо больше для ее понимания, чем многие исторические документы» [Пигин 2017: 278].

Произведения народной литературы отражают русскую речь определенного периода, а «простодушные, с массой грамматических и стиливых ошибок тексты, как нам кажется, и фиксируют наиболее правдивый портрет и времени, и героев этого времени» [Мелихов 2019: 72]. Вот и Записки малограмотного матроса изобилуют разговорными конструкциями, перемежаются текстами близкого автору солдатского фольклора, содержат большое количество профессиональных наименований, связанных с военной (морской) службой. Добавим, что особенно показательны в этом смысле исследования, посвященные солдатскому фольклору (см., например: [Володина, Подрезов 2021]).

Вместе с тем в тексте Записок имеют место и книжные слова и конструкции, нередко видоизмененные автором. Изучение их состава и функционального назначения представляется нам важным в контексте исследований источников народной литературы, их жанрово-стилистических и языковых особенностей. Рассмотрение таких книжных «вкраплений» в, условно говоря, бытовое повествование позволяет определить особенности взаимодействия устной и книжно-письменной культуры в речи рядового носителя русского языка начала XIX в., предположить своеобразие его языковой рефлексии и установить функциональные свойства слов и речевых конструкций (см., например: [Судаков 2013]).

Очевидно, что при составлении текста «наивный» автор, матрос Верещагин, ориентировался на некий текст (тексты) и пытался сохранить принятую в нем структуру и использовать соответствующие описанию языковые конструкции. Это свидетельствует о сформировавшемся к тому времени представлении о письменной речи как о речи образцовой, требующей особого языкового оформления, даже если это бытовое жизнеописание в тексте личного характера. Такое восприятие письменной речи сформировало тип, точнее, ипостась, языковой личности – письменноречевую личность, для которой важно жанро-

вое сознание в так называемой естественной письменной речи, реализуемой в записках, письмах и дневниках (см., например: [Лебедева, Крюкина 2013]).

Анализ книжных речевых конструкций и их источников

Книжные слова и конструкции использованы «наивным» автором главным образом в подзаголовке текста и предисловии, которые можно рассматривать как определенного рода авторскую манифестацию его коммуникативной интенции в создании текста дневника – выразить личные переживания и жизненные обстоятельства в письменной форме.

Подзаголовком Записок можно считать предложение *Описание следующих обстоятельств продолжения службы ихиперскаго помощника Константина Верещагина*, которое включает указание на жанр (описание) и конструкции, свойственные книжному, в большей степени деловому стилю. Предполагаем, что формула заголовка заимствована из какого-то текста-образца, на который ориентировался автор.

В подзаголовке обращает на себя внимание употребление слова *обстоятельство*. Данное существительное зафиксировано в Словаре русского языка (СРЯ) XVIII в. в значении ‘событие, факт, относящиеся к чему-л., связанные с чем-л.; та или иная сторона дела, события’ (СРЯ XVIII в. 16: 92–931). При этом в словарной иллюстрации оно входит в состав конструкции «из сих вышеписанных обстоятельств» (ср. с анализируемым заголовком). В таком написании оно зафиксировано и в НКРЯ (самый ранний – Артикул воинский, 1915, где оно употреблено более десятка раз; при этом в обоих вариантах написания: *обстоятельство / обстоятельство*).

Добавим, что СРЯ XVIII в. фиксирует еще одно однокоренное слово с подобным значением – *обстояние*; ср.: 2. ‘положение, совокупность условий, обстоятельств’, известное русскому языку как минимум с середины XV в. (СРЯ XVIII в. 16: 91–92); ср.: *обстояние (обьстояние)* – 3. ‘положение, совокупность условий, обстоятельств’ (СРЯ XI–XVII вв. 12: 170).

Исследователи указывают, что субстантивы на *-ние* «искони специализировались на выражении процесса, действия»; начиная с древнерусского периода сфера их употребления активно расширялась, и в XIX в. их образование стало возможным «не только от разговорно-просторечных глаголов, но и от глаголов с фразеологически связанным значением» [Пильгун 2003: 64–65]. Вместе с тем новообразования на *-ство* ста-

ли активно использоваться, например, в юридических документах Петровского периода [Петрунин 1985] и, как в описываемом случае, даже вытеснять субстантивы на *-ние*. НКРЯ фиксирует редкое употребление лексемы *обстояние* в современных текстах священнослужителей, а также в научных и научно-популярных текстах (например: *обстояние дел(а)* (публикация в журнале «Знание – сила», 2013, философская статья, 1993); *обстояние вещей* «Вестник США», 2003, текст диссертации по логике, 2002).

Таким образом, сущ. *обстоятел(ь)ство* (равно как и *об(ь)стояние*) оказывается стилистически маркировано как книжно-письменное слово, косвенным подтверждением чему может являться и факт отсутствия обеих лексем в СРНГ (здесь зафиксировано единичное употребление сущ. *обстоятельства* с неуточненным значением; см.: (СРНГ 22: 238), и его повторное использование в тексте Записок в конструкции с производным предлогом *по причине*, который и в настоящее время характеризуется как книжный (см., например: [Цзинсун Гун 2017]).

Укажем и на употребленное в подзаголовке сочетание *продолжение службы*, фиксируемое в НКРЯ в текстах делового характера с первой половины XIX в. (тексты Ф. Ф. Беллинсгаузена, М. А. Корфа и др.). Книжное сущ. *продолжение* в значении ‘продление, продолжение чего-л. во времени’ употребляется в русском языке еще с XIII в. (СРЯ 11–17 вв. 20: 122) и в сочетании *продолжение службы* является элементом деловой речевой формулы. Слово с терминологическим значением *служба* (по отношению к военной службе) в тексте Записок не требует пояснений, уточнений: оно давно укрепилось в народной речи, в том числе в фольклоре (СРНГ 38: 308) (см., например, его употребление в приведенных автором Записок текстах солдатского фольклора: *Тогда ту жь ему обещают / Его службу почитают*), поэтому автор при необходимости достаточно свободно приспособливает его к своим нуждам, применяя, например, форму множественного числа (*Къ побоямъ я не знал, гдѣ есть такие службы, чтобы солдатъ не били*). Заметим попутно, что такое «неправильное» употребление связанных с военной службой профессиональных наименований в исследуемом тексте обусловлено, на наш взгляд, и неточным пониманием автором их значения, и недостаточным уровнем грамотности или начитанности автора (см., например, в тексте Записок: *ундѣръ / ундѣръ-офицер, форъ-марсовы* (матросы) и др.).

Примечательно, что в тексте Записок использована конструкция делового характера *сво-*

бождение (от) службы, которую можно квалифицировать как квазиантонимичную описанной выше (*продолжение – освобождение*), образованную по той же модели (отглагол. сущ. + *служба* в соответствующей падежной форме), что позволяет предположить наличие в деловой речи XIX в. устойчивой модели языкового выражения данных социальных отношений. Конструкция *освобождение (от) службы* употреблена автором Записок в предисловии к основному тексту, значительно отличающемуся от основного текста использованием книжных речевых конструкций.

В Предисловии очевидно проявляется жанровое сознание наивного автора: матрос Верещагин строит его по известному ему «канону», почерпнутому из какого-то авторитетного для него текста. Предисловие представляет собой логически последовательную цепь текстовых фрагментов: 1) повода (*Уединение заставило сочинить душевное повеление*), 2) причины (*Большая печаль наставити по причине тѣхъ абъстаетелствъ, кои состоятъ въ последующем, набудили меня после освобождения моеи службы описать те приключения, которые со мной случались*) и ее развернутых пояснений, 3) цели, выраженной в призыве (*Пусть оные родители по нихъ повлекутца, чтобы ихъ наставлятъ – и богъ ихъ не оставитъ*). Здесь очевидна отсылка к жанру наставления (в Записках – адресованного родителям), однако матрос Верещагин только пользуется формой наставления для придания своему повествованию признаков письменного текста, так как далее в тексте Записок мотив наставления не реализуется. Закономерна в этой связи насыщенность предисловия книжно-письменными элементами, чем оно весьма отличается от основного текста повествования, где автор после соблюдения, так сказать, необходимых формальностей переходит к изложению актуального для него содержания и переходит преимущественно на бытовую разговорную речь.

В предисловии автор использует традиционное для ряда письменных жанров того времени обращение *Госпадинъ читатель!* Исторические словари фиксируют сущ. *господин* в составе обращения с сер. XVII в. как формулу почтения, уважения, вежливости (СРЯ XI–XVII вв. 4: 101). В XVIII в. сущ. *господин* начинает употребляться в составе «вежливого упоминания или обращения» при фамилии, звании, чине, сословии; при наименовании лиц определенных занятий, национальности, места жительства (СРЯ XVIII вв. 5: 190–191]: в качестве примера можно привести обращения по званию по повестях XVIII в.: гос-

подин атаман в «Повести о российском матросе Василии»; *господин ковалер, господин барон* в «Повести о российском кавалере Александре» [Русские повести... 1965: 191–210, 211–294]. Обращение *Господин читатель* зафиксировано в НКРЯ в произведении М. Д. Чулкова «Пересмешиник, или Славенские сказки» (1766–1768). Более активно, как следует из материалов НКРЯ, употребляется в то время обращение *Дорогой читатель*: зафиксировано более ста фактов, первое употребление отмечено в произведении А. В. Дружинина («Заметки петербургского туриста», 1856). Можно предположить, что обращение *Госпадинъ читатель!* выполняет в Записках, скорее, функцию маркера письменного повествования. Трудно сказать, писал ли матрос Верещагин с расчетом на то, что его Записки будут читать (по крайней мере вряд ли он полагал, что его текст опубликуют или будут переписывать), однако сложившееся у него представление о письменной форме речи вынуждает его включать подобного рода маркеры в свой текст.

В основном тексте Записок автор использует иное обращение – *Отцы и братья!*, более свойственное церковной среде (НКРЯ, например, фиксирует 17 фактов за период 1830–2010 гг., и лишь некоторые употреблены в художественных текстах – в речи соответствующих персонажей). Безусловно, обращение *Отцы и братья!* хорошо знакомо матросу Верещагину, возможно, настолько, что он использует его как обычное и подходящее ситуации наряду с речевыми формулами *богъ (ихъ) не оставитъ, Онъ благосклоненъ и милосердъ, Богъ свободилъ*, употребленными в основной части текста. Заметим при этом, что в Записках такие церковно-книжные формулы речи единичны (мы перечислили все), они не выбиваются из основного, бытового стиля повествования, в связи с чем и оцениваются нами как привычные, свойственные автору речи, носителю народно-православной культуры, сознание и кругозор которого с детства формировались посредством знакомства с текстами Священного Писания. Кроме того, компоненты этого обращения *отцы* и *братья* использовались в военном лексиконе и фольклоре XIX в. в составе формул «отцы-полководцы» и «отцы-командиры» (НКРЯ фиксирует их употребление в XIX в.) и «наш брат» («наша братия») в значении ‘я и мне подобные’ (сам матрос Верещагин использует это сочетание в таком значении: *...глядимъ, как живутъ наша братия, красуица...*). Вследствие этого можно предположить, что автор речи, используя обращение *Отцы и братья!*,

книжное по происхождению, сам, скорее всего, не оценивает его таковым и включает в свою речь как нейтральное.

В предисловии к основному тексту (при пояснении причин к составлению Записок) встречается еще одна книжная по происхождению речевая конструкция – *въкрепить уязленнымъ моимъ сердце*, имеющая прямым источником текст вечерней молитвы к Пресвятому Духу (см.: *Уязвлен бых сердцем* [Вопросы священнику: эл. ресурс]). Глагол *уязвлять* обнаруживается в словаре В. И. Даля в значении ‘оскорбить, обидеть, причинить нравственную язву’ (Даль IV: 530). Сочетание *уязвленное сердце* зафиксировано НКРЯ главным образом в художественных произведениях (самое раннее – «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, 1779–1790) и в тексте слова известного адвоката А. Ф. Кони, 1874); употребляется сочетание и в повестях XVIII в. (ср., например: *«...и разжиганми плотскими сердце ея уязвлено бе к нему всегда»* [Русские повести... 1965: 165]). Сочетание *укрепить сердце* имеет церковно-книжное происхождение, см.: «Долготерпите и вы, укрепите сердца ваши, потому что пришествие Господне приближается» [Послание Иакова: эл. ресурс]; оно широко употребляется в текстах молитв, в речах священнослужителей. Контаминированная из двух церковно-книжных речевых формул конструкция, представленная в Записках, позволяет утверждать, что автор заимствовал их из какого-то текста-образца, возможно, заимствовал и целую конструкцию, но воспроизвел ее в неправильной грамматической форме, равно как и написание глагола *въкрепить*, поскольку смысл их ему не был до конца ясен.

В контексте нашего исследования вызывает интерес конструкция *Уединение заставило сочинить душевное повеление*. Книжное *уединение* в значении ‘удаление, уединение’ от глагола *уединиться* – ‘уединиться, удалиться в одиночество’, равно и соотносимое с ним прилагательное *уединенный* ‘одинокий’ находим в Словаре И. И. Срезневского (Срезневский III, 2: 1159). Слово *уединение* употреблено как антоним к сущ. *забава* в упоминаемой выше «Повести о российском кавалере Александре» [Русские повести... 1965: 212]; в НКРЯ фиксируется в текстах с середины XVIII в. (Ломоносов, Чулков, Сумароков); здесь отмечено и единичное сочетание *уединение заставило* («Воспоминания» А. Г. Достоевской, 1911–1916). Полагаем, что и книжное сочетание *уединение заставило* возник-

ло в речи матроса Верещагина под влиянием какого-то знакомого ему книжного источника.

Глагол *сочинить* в употребленном значении (*Уединение заставило сочинить душевное повеление*) не отмечен в исторических словарях, народной речи он известен в других значениях (см.: СРНГ 40: 92). НКРЯ содержит деловые тексты, датируемые началом XVIII в., в которых данный глагол употребляется в анализируемом нами значении; см., например: *сочинять устав, сочинять протокол, чертежи сочинять, законы сочинять* и др. (Генеральный регламент 1720 года, Регламент или устав Духовной коллегии, Представление Петру I о межевании земель и составлении ландкарт Т. Н. Татищева и др.). Из представленного в НКРЯ материала видно, что постепенно глагол *сочинять* (какие-л. тексты) стал активно применяться и по отношению к текстам самого разного содержания (например: *сочинять духовные книги* – в письме В. Н. Татищева, 1735; *сочинять* – об оде в «Рассуждении об оде вообще» В. К. Третьяковского, 1734; *сочинять «Российский лексикон» / диссертацию / слово похвальное* – в текстах М. В. Ломоносова, и др.). Как видим, в Записках матроса Верещагина данный глагол использован в сохранившемся до настоящего времени значении ‘создавать какое-л. литературное или музыкальное произведение’ (БТС: эл. ресурс) и стилистически не маркирован.

Вызывает некоторые трудности определение авторского замысла, заложенного в сочетании *душевное повеление*. С нашей точки зрения, оно может означать и некий жанр, и использование трансформированной книжной конструкции *по велению души*. Нам не удалось найти документальные свидетельства существования в письменной речи жанра душевного повеления. Исторические словари устанавливают, что имел место жанр *душевной / духовной грамоты* (СРЯ XI–XVII вв. 4: 381, 387), при этом в XVIII в. возможен лишь вариант *духовная грамота* (СРЯ XVIII в. 7: 41). Однако данный жанр по своему назначению никак не соотносится с исследуемым текстом. Иных возможных вариантов интерпретации некоего письменного текста, включающего лексемы *душевный, повеление / веление*, лексикографические источники не дают. Мы предположили, что сочетание *душевное повеление* представляет собой авторский вариант речевой формулы *по велению души*. НКРЯ фиксирует следующие ее варианты: *по велению совести* (письмо Л. Л. Толстого императору, 1905; речь П. А. Столыпина в Комиссии по государственной обороне, 1908); *по велению ума, а не своих*

страстей (из сочинения П. И. Ковалевского, 1900–1910); *по велению сердца* (45 фактов, относящихся к периоду 1951–2002 гг.); *по велению души* (17 фактов, относящихся к периоду 1988–2019 гг.). Последнее из указанных сочетаний отнесено в современном русском языке к фразеологизмам с пометой «высок.» (см., например: (Федоров 2008: 62)). Мы далеки от мысли, что автор Записок, матрос Верещагин, имел в своем активном речевом запасе книжное сочетание *по велению души* (во всяком случае, анализируемый текст не дает к этому оснований), и предполагаем, что ему, возможно, были известны и какие-то варианты данной речевой формулы, и какие-то варианты духовных текстов, в том числе заветов / завещаний – и всё это вместе трансформировалось у него в обозначении сочиненного им текста как *душевное повеление*. Не исключаем при этом и прямое заимствование данного сочетания из какого-то известного автору текста.

Далее обратимся к анализу элементов речевой конструкции, обозначающей причину, подтолкнувшую матроса Верещагина к составлению Записок (*Болиная печаль наставити по причине тѣхъ абъстятелствъ, кои состоятъ въ последующем, пабудили меня после свобождения моей службы описать те приключения, которые со мной случались*). Отглагольное сущ. *свобожде-ние*, которое употребил матрос Верещагин, в форме *освобождение* фиксируют исторические словари: СРЯ XI–XVII вв. (13: 80) – *освобождение* ‘избавление’ (первая фиксация – XVII в. в сочетании «отъ смерти освобождение»); *освобождение* ‘предоставление свободы, освобождение’ (в сочетании «освободить слуг»); СРЯ XVIII в. (17: 93) *освобождение* – действие по глаголу *освободить* – *освободить*, в том числе в значении ‘уволить, отстранить от служебных обязанностей’). СРНГ со ссылкой на Словарь Академии Российской 1822 г. отмечает глагол *свободить* – *свободить* ‘освободить, избавлять кого-л. от чего-л.’ (СРНГ 36: 306). Можно предположить, что бесприставочная форма глагола была характерна для разговорной народной речи. Однако существительное с отвлеченным значением, которое формирует словообразовательный формант *-ени-*, народной речи, конечно, не было свойственно. Таким образом, лексема *свобожде-ние* (от солдатской службы), употребленная автором в тексте Записок, представляет собой своеобразное объединение привычного матросу Верещагину бесприставочного глагола и книжного по происхождению слова *освобождение* как составного элемента деловой речевой формулы.

Пояснения причин, побудивших к составлению Записок, потребовали от автора не только воспроизвести чужие формульные речевые конструкции, но и представить собственные рассуждения. Именно поэтому авторская часть предисловия включает разностилевые элементы (см., например: книж. *въкрепить узленнымъ моимъ сердце*, делов. *воиству служить, двадцать пять лет служить* и нар.-разг. *на своихъ бокахъ, въ миру жить – слезы свои векъ свой лить*). Такая пестрота стилистических средств предисловия, с одной стороны, нарушает целостность текста и затрудняет его понимание, а с другой – свидетельствует о двойственной интенции «наивного» автора – выразить искренние переживания по поводу случившихся с ним событий и соблюсти книжно-письменный «канон», который интуитивно сложился у него после прочтения ряда (скорее всего, небольшого) книжных произведений.

Любопытно использование автором сущ. *термень* (термин) в значении ‘срок, период’ (*Свой термень: въ миру жить – слезы лить свои векъ свой лить, а не если двадцать пять летъ служить*). Слово *термин* известно русскому языку как обозначение какого-либо понятия уже с начала XVIII в.; см.: (Фасмер IV: 48). Однако не позднее середины XVIII в. (1762 год – манифест Екатерины II «О позволении иностранцам селиться в России») в русский язык проникло и нем. *Termin* в значении ‘время, необходимое для обучения ученика ремеслу у мастера’ (СРНГ: 44, 78; с указанием: «Слово это в ходу у кустарей-колонистов, немцев»). Попутно заметим, что нем. *Termin* и в настоящее время активно используется в немецком языке в значении ‘срок, дата’². О том, что слово *термин* в значении ‘срок, период’ было довольно распространенным во время написания матросом Верещагиным своих Записок, может свидетельствовать его широкое употребление в указанном значении в повестях XVIII в.; ср.: «... в то же время пришел паж ее с таким повелением, дабы Алесандр в женском уборе вечеру в сад пришел королевской в назначенной термин»; «И назначила термин,.. накануне означенного термина пришед купца онаго к жене...»; «Тогда мне они каждая свой термин назначила, когда мне к ним приходить» [Русские повести... 1965: 250, 271, 273]. В русской речи XVIII в. зафиксировано и формульное сочетание *урочный термин* в значении ‘установленный, назначенный срок, время’; ср.: «А как урочной термин пришел, чтоб ученикам-матросам моршировать в Санкѣпетербурх в Россию, то все матросы поехали...»; «И по урочному термину

ученики матросы все восояси поехали...» [Русские повести... 1965: 22, 192]. Следует отметить, что сущ. *термин* в устаревших значениях ‘срок, период’ и ‘конец жизни’ фиксируют современные словари (Ефремова 2000: 614). Матрос Верещагин в силу своих жизненных обстоятельств: он общался в среде выходцев из разных мест, в том числе из городской среды, в которой были и иностранцы, – скорее всего, узнал и воспринял это слово как книжно-письменное, а потому посчитал необходимым в этой части Записок употребить его вместо нейтрального слова *срок* для того, чтобы маркировать этот фрагмент текста как соответствующий жанру письменной речи.

Неожиданной, на первый взгляд, оказалась цель повествования – наставление-призыв к родителям будущих рекрутов, выраженное в императивной конструкции *Пусть оные родители по нихъ повлекутца, чтобы ихъ наставлять – и богъ ихъ не оставитъ*, которая противоречит идее основной части Записок. В ней автор сетует на свою тяжелую участь матроса: см. *Всякъ скажетъ: луче бы на светъ мать не рожала, лехче было бы во младенчестве уходили* и т. д. Однако введение в текст Записок фрагмента с наставлением, возможно, обусловлено жанровым сознанием автора. При создании письменного текста матрос Верещагин интуитивно ориентировался на какие-то известные ему образцы письменной речи, почерпнутые им при чтении определенной литературы, и постарался выстроить свою речь в соответствии с ними.

Надо сказать, что книжные конструкции употребляются и в основной части Записок, при этом практически все они представляют собой речевые единицы, связанные с военной службой, то есть выступают маркерами деловой разновидности русского языка того периода. При этом часть из них, по справедливому замечанию М. В. Мелихова, возможно, переписана матросом Верещагиным из каких-то документов [Мелихов 2019: 79].

Результаты

Анализ текста Записок матроса Верещагина позволяет сделать вывод, что основу их повествования объективно составляют народно-разговорные, в том числе фольклорные, речевые элементы. Сосредоточение книжных речевых конструкций, формально воспроизведенных и (или) трансформированных автором, имеет место главным образом в подзаголовке и предисловии к основному тексту. Данная ситуация, с нашей точки зрения, продиктована жанровым сознани-

ем автора Записок и стремлением составить текст по неким правилам, почерпнутым им, скорее всего, из какого-то текста (текстов) и воспринятым как обязательное условие при сочинении «душевного повеления».

Примечания

¹ Здесь и далее ссылки на словари даются в круглых скобках: сокращенное наименование словаря или имя автора, далее номер тома или выпуска, после двоеточия указывается номер страницы.

² Нем. *der Termin* в значении ‘срок, дата’ (Большой немецко-русский словарь 2010, с. 427) активно употребляется в современном немецком языке, участвует во многих устойчивых сочетаниях с ключевым словом *время*.

Список источников

Большой немецко-русский словарь = Das grosse Deutsch-Russische Wörterbuch: около 180000 лексических единиц: в 2 т. / под рук. О. И. Москальской; [авт.-сост.: Е. И. Лепинг, Н. И. Филичева, М. Я. Цвиллинг]. 12-е изд., испр. Т. 2. М.: Дрофа, 2010. 1004 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 07.04.2023).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 07.04.2023).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1991. Т. 4.

Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка: Св. 136 000 словар. ст., ок. 250 000 семант. единиц: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1. 1084 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52 (издание продолжается).

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) и др.]. М.: Наука, 1975–.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [редкол.: Ю. С. Сорокин и др.]. Л.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1984–2023. Вып. 1–22 (издание продолжается).

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: репринтное изд-е: в 3 т. М.: Книга, 1989. Т. 3, ч. 2. 852 стб.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд., стер. СПб.: Азбука: Терра, 1996. Т. 4. 864 с.

Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель, 2008. 878 с.

Список литературы

Володина Т. А., Подрезов К. А. Русская армия в зеркале солдатского фольклора (XVIII – первая половина XIX веков) // Новый исторический вестник. 2021. № 68(2). С. 148–173.

Вопросы священнику // Православие.Ru: российский православный информационный интернет-портал. URL: <https://pravoslavie.ru/34461.html> (дата обращения: 07.04.2023).

Лебедева Н. Б., Корюкина Е. А. Наивный автор как письменно-речевая личность: жанроведческий аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 3(23). С. 1–22.

Мелихов М. В. Записки и дневники матросов К. Верещагина и А. Бобрецова как феномен народной письменной культуры // Человек. Культура. Образование. 2019. № 3 (33). С. 70–83.

Петрунин В. О. Динамика словарного состава в деловом языке петровской эпохи (имена на -ние/-ение, -ость, -ство и -тель в юридических кодексах Древней Руси и петровской эпохи): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 22 с.

Пигин А. В. Крестьянские дневники XIX–XX вв. как источники по изучению народной культуры (Дневник Г. Я. Ситниковой) // Кижский вестник. 2017. Вып. 17. С. 278–285.

Пильгун М. А. Развитие имен со значением действия в истории русского языка // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2003. № 4. С. 63–71.

Послание Иакова. Глава 5 // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/jak/5/> (дата обращения: 07.04.2023).

Русские повести первой трети XVIII века / Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой; Акад. наук СССР; Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: Наука, 1965. 332 с.

Судаков Г. В. Русская речь конца XVIII – начала XIX века в оценках современницы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2013. Т. IX, № 2. С. 530–550.

Цзинсун Гун. Причинные предлоги в разных стилях речи // Русская речь. 2017. № 3. С. 49–54.

References

- Volodina T. A., Podrezov K. A. Russkaya armiya v zerkale soldatskogo fol'klora (XVIII – pervaya polovina XIX vekov) [The Russian army in the mirror of the soldier's folklore (18th – first half of 19th centuries)]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [New Historical Bulletin], 2021, issue 68(2), pp. 148–173. (In Russ.)
- Voprosy svyashchenniku [Questions to the priest]. *Pravoslavie.Ru: rossiyskiy pravoslavnyy informatsionnyy internet-portal* [Orthodox Christianity: Russian Orthodox information Internet portal]. Available at: <https://pravoslavie.ru/34461.html> (accessed 07 Apr 2023). (In Russ.)
- Lebedeva N. B., Koryukina E. A. Naivnyy avtor kak pis'menno-rechevaya lichnost': zhanrovedcheskiy aspekt [Naive author as writing personality: genre-study aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2013, issue 3(23), pp. 11–22. (In Russ.)
- Melikhov M. V. Zapiski i dnevniki matrosov K. Vereshchagina i A. Bobretsova kak fenomen narodnoy pis'mennoy kul'tury [Notes and diaries of the sailors K. Vereshchagin and A. Bobretsov as a phenomenon of folk written culture]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2019, issue 3(33), pp. 70–83. (In Russ.)
- Petrinin V. O. *Dinamika slovarnogo sostava v delovom yazyke petrovskoy epokhi (imena na -nie/-enie, -ost', -stvo i -tel' v yuridicheskikh kodeksakh Drevney Rusi i petrovskoy epokhi)*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Vocabulary dynamics in the business language of the Petrine era (names ending in -nie/-enie, -ost', -stvo, i -tel' in the legal codes of Ancient Rus' and the Petrine era). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1985. 22 p. (In Russ.)
- Pigin A. V. Krest'yanskie dnevniki XIX–XX vv. kak istochniki po izucheniyu narodnoy kul'tury (Dnevnik G. Ya. Sitnikovoy) [Peasant diaries of the 19th–20th centuries as sources for the study of folk culture (Diary of G. Ya. Sitnikova)]. *Kizhskiy Vestnik* [Kizhi Bulletin], 2017, issue 17, pp. 278–285. (In Russ.)
- Pil'gun M. A. Razvitie imen so znacheniem deystviya v istorii russkogo yazyka [Development of names with the meaning of action in the history of the Russian language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa. – Lesnoy vestnik* [Bulletin of the Moscow State Forest University – Forestry Bulletin], 2003, issue 4, pp. 63–71. (In Russ.)
- Poslanie Iakova. Glava 5 [The Epistle of James. Chapter 5]. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov': ofitsial'nyy sayt Moskovskogo Patriarkhata* [Russian Orthodox Church: official website of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/bible/jak/5/> (accessed 07 Apr 2023). (In Russ.)
- Russkie povesti pervoy treti XVIII veka* [Russian novels of the first third of the 18th century]. Research and preparation of texts by G. N. Moiseeva; USSR Academy of Sciences; Institute of Russian Literature (Pushkin House). Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 332 p. (In Russ.)
- Sudakov G. V. Russkaya rech' kontsa XVIII – nachala XIX veka v otsenkakh sovremennitsy [Russian speech of the late 18th – early 19th centuries as assessed by a contemporary]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2013, vol. 9, issue 2, pp. 530–550. (In Russ.)
- Tszinsun Gun. Prichinnye predlogi v raznykh stilyakh rechi [Causal prepositions in different styles of speech]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2017, issue 3, pp. 49–54. (In Russ.)

On the Interpretation of Book Speech Constructions in the Notes of Sailor Vereshchagin

Tatyana N. Bunchuk

Associate Professor in the Department of Russian Literature

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

55, Oktyabrskiy prospekt, Syktyvkar, 167001, Russian Federation. tnbunchuk@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7597-2726>

SPIN-code: 1949-1275

Submitted 02 Jun 2023

Revised 31 Jul 2023

Accepted 04 Aug 2023

For citation

Bunchuk T. N. K interpretatsii knizhnykh rechevykh konstruktsey v Zapiskakh matrosa Vereshchagina [On the Interpretation of Book Speech Constructions in the Notes of Sailor Vereshchagin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 3, pp. 16–24. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-16-24 (In Russ.)

Abstract. The article examines the use of book speech constructions in the Notes of Sailor Vereshchagin, a handwritten text of the 19th century, which was found in one of the handwritten collections of the National Library of the Czech Republic and introduced into scientific circulation by M. V. Melikhov. The notes of a hardly literate peasant-sailor, which have an objective folk-colloquial basis, are interesting in terms of book speech structures used in them. From a sample text (or several texts), the author borrowed words and constructions typical of book texts and appropriate to the genre chosen by him, including words and structures characteristic of business speech. In many cases, the reproduced words and combinations were not clear for the author, so he transformed them. The functional purpose of such constructions was most likely dictated by the author's desire to write the text according to certain rules corresponding to the chosen genre and presented in the sample text (texts) known to him. The analysis of book elements in the sailor's notes reveals the functioning of certain lexemes in a particular period in the history of the Russian language, to trace their dynamics. Research into the linguistic features of works of folk literature, to which the sailor's notes belong, is certainly significant since such works reflect the Russian speech of a certain period. The study of the Notes makes it possible to trace the history of individual words and the functioning of speech elements of different styles, and contributes to the reconstruction of a true portrait of both the time and the heroes of that time.

Key words: folk literature; speech construction; genre-stylistic and linguistic features; book elements; business speech.